

84Р6К
433 СЕРГЕЙ ДЯКОВ
ЗВЁЗДНАЯ ПОЛЯНА

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЛИТНИЙ
КУЗБАСС

№ 12 2004

СЕРГЕЙ ДЬЯКОВ

ЗВЁЗДНАЯ ПОЛЫНЬ

СТИХИ

К Е М Е Р О В О

КУЗБАССВУЗИЗДАТ

2004

ББК 84.3Р7
Д93

**ПОСВЯЩАЮ ПАМЯТИ
МОЕЙ ЖЕНЫ
АНИСЫ ДЬЯКОВОЙ**

Дьяков С.
Д93 Звёздная полынть...: Стихи. — Кемерово:
Кузбассвуиздат, 2004. - 48с.

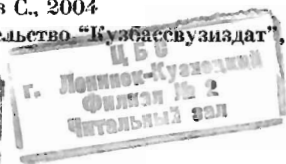
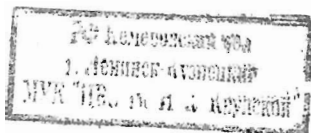
ISBN 5-202-00759-0.

Дьяков С., 2004

Издательство "Кузбассвуиздат", 2004

Когда нахлынет и отпустит,
Как боль, вечерняя заря –
Вольется теплый запах грусти
В пустую крынку сентября.

Земля и небо станут слитны.
Проступит звездная полнь...
Закончит бабушка молитвы
И скажет тихое «аминь».

2000 г.

Говорила тихо бабушка:

Не дает дождя нам небушко.

Не роится, видно, хлебушко –

Вся земля черствее камушка. –

И тебе с бантом малиновым

Заплетала косу русую

И рассказывала длинную,

Сказку старую и грустную...

...Что, сестра моя сердечная?..

Что сестра?..

Это речь сверчка запечного

До утра.

Это ветер дует в ставеньки.

Это боль...

Как давно мы были маленькими

С тобой...

1999 г.

Светила полная луна

И ветер дул в трубу печную.

А я с улыбкой вспоминал

Тебя, совсем уже ручную.

Я ничего не стал писать

В тот вечер в новую тетрадку.

Хотелось просто спать и спать

И не разгадывать загадку.

А ветер перешел на стон

И листья рвал с остервененьем...

И мне приснилось, будто он

Читал мое стихотворенье.

1987 г.

И слышу снег, как обреченный.

Я знаю правила игры.

И в поцелуе утонченном

Я сердцем чувствую разрыв.

И этот миг, как саван тонок,

И в блюде смуглая свеча –

Пчелиным зноем горяча,

И беззащитна, как ребенок.

И ночь сжимается до хруста,

Скользит по простыни крахмальной,

И льется нежностью прощальной...

А в сердце пусто.

И утром солнце не солжет –

Кольцо на пальце, губы жжет.

И словно раны, глубоки

По снегу первые шаги.

1986 г.

Сердце спит.

Расцвели,

Отцветают

На вечерних полях медуницы.

Детство теплой полынью приснится.

Там, где руки твои в молоко

Земляничную горсть высыпают...

Ах, как много её,

Этой первой

Сладкой ягоды...

И молока...

А глаза твои серые-серые,

Как осенние облака...

1999 г.

 В палату посланный с утра,
Я замер у железной койки.
Вокруг шептали, что вчера
На ней всю ночь лежал покойник.
Его сосед, привстав с постели,
Сказал: "Садись. Лицо не морщь..."
Потом мы борщ больничный ели.
И смертью пах больничный борщ.

1986 г.

 В стороне кирзовой, безымянной,
Под звездой бледно-оловянной,
В глубине печали ледяной
Ты уснула бабочкой льняной...

1987 г.

Опасная бритва ночного забора
Отточена бдительным глазом дозора.
Он видит в прицел нарезного ствола,
Как черная тень к острию подошла.
И вдруг полетела.
Но пуля – не дура.
Того, кто летает – она убивает.
Подстреленной птицей метнулась фигура.
И белое облачко вверх ухлывает...
На землю весеннюю падает тело.
Охотник роняет тяжелый плевок.
И после глаза закрывает умело...
И пахнут черемухой пальцы его.

1989 г.

 В утробе тесного трамвая
Друг другом мы окружены.
И, никого не узнавая,
В самих себя погружены.

Но все ж в молчанье безобразном
Одно объединяет нас –
Пускай мы думаем о разном.
Зато подпрыгиваем враз.

1984 г.

 Под первым снегом стонут листья.
Природе свойствен геноцид.
И гусеницу съев, птенцы
Уже лежат в желудке лисьем.

А вот мужик проходит сонный,
Надвинув на нос лисий мех...
И холод революционный.
И кольев хватит нам на всех.

7 ноября 1990 г.

 Для гимназистки алгебры урок
Невыносим весной благоуханной.
Когда ее к любви обетованной
Уже влечет попутный ветерок.

И этой силы не преодолеть.
Она уже слаба и легковерна,
Она уже готова улететь
Туда, где жизнь прекрасна и безмерна.

Там дышит мятой теплая земля
И движут воздух крылья махаона.
И тихой ночью шепчут тополя
Слова из Песни Песней Соломона...

И словно голубица в заточенье,
Она с тоской глядит в окошко вновь...
Она уже устала от томленья.
Уже крепка, как смерть, ее любовь.

1994 г.

Луна поспела полевая.
Попробуй сердце удержи!
И, потихоньку выпивая,
Запели девочки во ржи.

И у бензиновой цистерны
Посланником враждебных сфер —
Из упоительной люцерны,
Им подпевает Люцифер.

К груди взволнованной и сочной,
Он тянется по городьбе.
И между косточек молочных
Свивает гнездышко себе.

1993 г.

Соседский мальчик что-то не в себе
От сладкого весеннего недуга.
По вечерам, как мокрый воробей,
Он на скамейке поджидает друга.

Потом приходят девочки. Средь них
Одна взрослее кажется и строже.
Мягка её походка, голос тих.
Но это только прибавляет дрожи.
Когда, играя в древнюю игру,
Девчонок робко мучают злодеи, –
Она не вырывается из рук.
И от восторга скрыто холодеет.

1998 г.

Вы мне нравишься. Что теперь делать.
С этим слабым раствором беды,
С мягкой робостью школьного мела,
С дикой нежностью талой воды?

Повторять непривычное имя –
Словно певчую птицу носить,
Размышляя под куполом синим:
Отпустить или не отпустить.

Эти зерна влюбленности страшно
На ладони держать не дыша...
Потому что, как внешняя пашня,
Ожиданьем томится душа.

Апрель 1999 г.

В этом городе, сделанном из табака,
Где зима разлилась, как ведро молока,
Есть одна только птица — звонок-соловей.
И дрожащая нежность ладони твоей.

Всюду двери затворами затворены.
И давно наговоры наговорены.
Но от ласки винилово-черной волны —
Мы сегодня друг другом безмолвно полны.

Мы совсем не похожи, как нечет и чет.
Но, как двух мотыльков, нас с тобою влечёт
Это яркое пламя запрета.
И расплавленным воском по венам течет
Наваждение лунного света.

Или это подснежником бьется весна,
Или нас не путают уже небеса,
Или Божьим крестом не прикрыта душа,
Или, может быть, ты чересчур хороша...

Март 1999 г.

В дешевом ранце рыцарский роман,
В котором есть надежда на спасенье.
П ты уходишь в пригород осенний,
С тобой дворовый полудоберман.

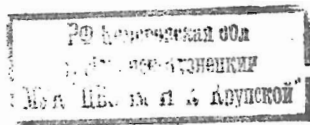
Сегодня нет печенья для него.
Суровый отчим пьянствует с соседкой.
Но пёс приносит брошенную ветку,
Не понимая в жизни ничего.

Но ты не плачешь. Ты уже сильна.
По вечерам ты пол в столовой моешь.
П на своих обедах экономишь,
Твоя копилка доверху полна...

Ты копишь деньги, чтоб купить коня
И острый меч и кованые латы,
Чтоб защищать обиженных и слабых,
Серебряными шпорами звеня.

Но ты сюда вернешься, молодой,
Где он больной, в пальтишке из драпа.
Чтоб говоря ему: "Не плачьте папа,
Швырнуть к ногам динарий золотой.

1992 г.

В качельных волнах, сердцем обмирая,
Летая, словно легкое перо,
Смотрела ты, как маленький Пьеро,
В тебя влюбленный, молча умирает.

От этой грусти таял даже снег.
Взошедший месяц ярок был и тонок...
Но ты ушла. И серенький котёнок
Тебе мурлыкал ночью о весне.

Он различал в окрестностях ночных
Упругой почки спелое томленье,
И костерка полынное дымленье,
И шевеленье камешков речных.

И ты проснулась, чувствуя тревогу,
Натанцевавшись Золушкой в раю...
А мальчик поднял туфельку твою
И улыбнулся ласковому Богу.

1993 г.

Ты будила цветик аленький
Поцелуем бездыханным.
И теплом благоуханным
Отзывался венчик маленький.

А сегодня губы нежные
Прикоснулись к тени холода,
И сердечко безмятежное
Расставанием проколото.

Ты не рада дню воскресному,
О зиме грядущей зная.
На душе печаль земная,
А в глазах любовь небесная.

Как нежна цветочка ноженька!
Но ему не страшен снег...
Этой ночью, добрый Боженька
Приходил к нему во сне.

1995 г.

Расставание с музыкой терпит вода.

Словно ленточки, звуки из струй выплетая.

И фонтан, холоднее коктейльного льда,

Семипетным цветком в тишину отцветает.

Опускается сумрак вороньим пером.

Поднимается запах садовых растений...

Это ночь задымила рыбацким костром.

Зашептала лиловым дыханьем сирени.

Эта ночь безнадежно, безбрежно нежна.

Восприимчивей самого тонкого слуха.

Невесомее легкого птичьего сна

И теплее его шелковистого пуха.

Это тянется смутная водная гладь.

Это остров любви. Это привкус ментола...

Как мучительно душу свою выдыхать

Этим лунно-сиреневым именем Лола...

На холодную гальку рассыпан букет.

Темнота обрывается шелковой ниткой.

И на лезвие тополя тихий рассвет

Наползает зеленой и влажной улиткой.

1997 г.

А. Майеру

Этот вечер некуда спешить.

Трудный день на запад тихо пятится.

И опять, как оттепель души,

Наступает творческая пятница.

Отслужив, как можем, ремеслу,

Мы идем в рабочую слободку.

И в ларьке бульварном на углу

Покупаем импортную водку.

На седьмое небо от земли

Мы взойдем, дыханья не нарушив.

Чтобы там в себе расшевелить,

Словно угли, тлеющие души.

После первой выпитой, пока

Не настало время мордобоя,

С осуждением прежнего запоя,

За второй пойдем наверняка.

Предзакатным пламенем согрет

Этот город – водочный и вечный...

Заодно художник и поэт

И бродяга с улицы Заречной...

Мы идем, и небо на глазах

Застывает кровяною коркою...

И звезда – горячая и горькая —

К нам летит, как Божия слеза.

1995 г.

Когда водицей без сиропа
Покажется мне жизни вкус –
Я в край утрюмых утлекопов,
Забывтый Господом, вернусь.

Когда ботинки изотрутся
И сердце перестанет греть...
Здесь люди добрые найдутся,
Они помогут помереть.

1999 г.

Пополь последние листья отпустит.

Листья коснутся земли.

Сердце, как тонкая палочка, хрустнет.

Черная птица взлетит.

Сделает крут и потянется к югу,

Не повернет головы.

Только сильней разойдется по лугу

Запах увядшей травы.

Зашевелят облака плавниками.

Ближе подступит вода.

Словно за шею привязанный камень,

В небо потянет звезда.

Станет земля от заката бордовой.

Стихнет в пурге снеговой...

И не подаст ни сирени садовой,

Ни лебеды полевой.

1999 г.

 Ни доброго слова, ни хлеба горбушки —
В далёком лесу кукованье кукушки.
И ворон никак не устанет кружить...
Кукушка, кукушка, а стоит ли жить...

1999 г.

 Первый лист от клена отлетел,
Как душа, легко и незаметно.
Вот и я пропажу проглядел,
И пуста моя грудная клетка.

Только крепкий и горячий чай.
Только кошка, черная, как уголь...
Примечай, мой ангел, примечай –
Я, как день, уже пошел на убыль.

На листе ни слова, ни строки.
За окном весь день смеются дети...
Я когда-то тоже был таким.
Я когда-то тоже жил на свете.

1999 г.

СВЕРЛА СВЕРЧКА

От тетивы речного ветерка
Весна летит мелодией полынной,
Врываясь в горло сверлами сверчка
И разрываясь почкой тополиной.

И в темноте, оттаявший тайком
Дремучий страх, подкожный и подснежный,
Переплетаясь с хищным сквозняком,
Скрипит на сердце пёрышком железным.

И внешней жизни кровная сестра,
Петлю любви затягивая ту же,
Приносит слёзы детского костра
Осенней ночью, брошенного в стужу.

1994 г.

Арматурной решёткой крестится
Город, вспоротый полумесяцем,
Забинтованный ноябрем,
Прошнурованный вороньем.

Но весна в процедурном платице
Плавит кварцевым солнцем лёд.
И в раструб водосточных капельниц
Голубую глюкозу льёт.

Утром выйдет мороз попробовать
Дворник скальпелем штыковым.
Там, под марлевыми сутробами,
Бьёт зелёная кровь травы.

1997 г.

Вы маляр-штукатур, вы живете с утрюмым таксистом.
Кремнефтористым натрием съедена ваша рука.
Но на ваших плечах — корсиканский платок из батиста:
Серебристый, как ночь, и широкий, как грудь моряка.
Лет пятнадцать назад вы лечились на южном курорте.
И однажды под вечер, в мерцании розовых волн,
Белоснежный фрегат с благородным названием “Лорти”
В ваше юное сердце, как в тихую гавань, вошел.

Моряки зачехляли большие блестящие пушки
И бродили по городу в свете взошедшей луны...
Вам один обещал подарить золотые ракушки
С перламутровым шепотом мадагаскарской волны.

Но назавтра, под вечер, вы к берегу вышли напрасно.
В Средиземное море уплыл благородный фрегат.
И на ваших глазах, отцветая магнолией красной,
На холодное дно опустился осенний закат.
Вы пошли в ресторан, вы подсели к рыбацкому кругу.
И, напившись портвейна, запели про тайны морей...
И когда вам на грудь положил кто-то пьяную руку,
Вы коснулись губами наколотых там якорей.

1993 г.

Этот лес – одинокого сердца приют.
Птицеловы не знают дороги сюда,
Где весенние гнёзда пернатые вьют
И в укромном березнике дремлет вода.

Только изредка ночью сестрица травы
Выйдет на берег с тихой купальской мечтой.
Снимет желтый венок со своей головы
И отпустит созвездием в сумрак речной.

И когда восхищённая птица поет
О рассвете, который и птицей любим,
Человек с растревоженным сердцем придет
И в лесу успокоится сердцем своим.

1993 г.

Ты смотришь на осенний лес,
Как дирижер на партитуру.
Подобно древнему авгуру,
Читая в холоде небес,
Живую музыку.
На взмах
Уже готовы петь валторны
И желтый лист лететь покорно
Готов,
Чтоб превратиться в прах.
Весь мир в твоём повиновенье.
И ты один его творец.
И кажется, что наконец
Тебе подвластно вдохновенье.
Взмахнул.
Но палочка упала.
Ты молча замер у листа.
Мелодия не прозвучала.
Линейка нотная пуста...
И ты вернулся сыном блудным,
К духовной бедности своей...
Увидеть красоту нетрудно.
Труднее примириться с ней.

1991 г.

Ты разбирала собранный гербарий,
Когда, вернувшись после кутежа,
Я рассказал про сказочный розарий,
В котором спят ночные сторожа.

Ты не слышала, ты только улыбнулась.
Ты вся была во власти медуниц.
И в папиросном шедесте страниц
Еще сильнее к цветам своим нагнулась.

О чем-то говорила с ними ты,
Как будто с другом, встреченным случайно.
Ваш разговор был искренним и тайным,
И хрупким, как уснувшие цветы.

Тянулась ночь дремучим лесосплавом
И всю округу путала в родстве.
И каторжники цели величаво
О проклятом и сладком воровстве.

И розы за стеклянными стенами,
Как узницы, томились на окне...
Раскрытыми и влажными губами
Они просились на руки ко мне.

1993 г.

 На мой вопрос она мне не ответит
И, чтобы снова глаз не отводить,
Уйдет одна по улице бродить,
А мне останутся её духи и ветер.

Она уйдет, как всякая жена
Уходит от обиды плакать к маме.
Она умеет говорить с цветами,
Когда восходит полная луна...

Я буду сердце болью очищать
И, остывая тронутой струною,
Учиться жить, и верить, и прощать
Ее печаль, не ведомую мною.

1999 г.

Сегодня мы с вечностью накоротке.
И время затихло, как рыба в садке.
И нас обесточил рассерженный ЖЭК,
Но это над нами не властно уже.
Мы свечку зайжем. И она не потухнет.
Мы будем с тобой целоваться на кухне.
А если задует и эту звезду...
Мы снова проснемся в адемовском саду.

1990 г.

Засыпай.

Это черное небо к добру.
Это сосны шумят в корабельном бору
И над ними висит дождевая вода.
Но уже родилась золотая звезда.
И когда на рассвете утихнет гроза, —
Стрекоза прилетит,
И еще стрекоза.
Это утро стрекоз, как цветное кино,
Перламутровым светом волеется в окно.
Занавеску слегка шевельнет над столом
И к тебе прикоснется стеклянным крылом.
И когда ты очнешься от долгого сна,
То увидишь, что вновь наступила весна.

1992 г.

Наепития лунного жаркую речь
Вековечный сверчок холодком разлучил.
Это значит, что кто-то ему поручил
Наши хрупкие души от счастья беречь.

И слышали мы, как качнулись деревья.
Это штормом метнуло касатку на берег.
Это маленький слон в африканской дали
Заблудился в холодной и черной пыли.

И как звери, мы внемлем далёкому зову.
Это боль, это то, что неведомо слову.
Это что-то живое в смертельной беде.
И плывут облака, как круги по воде.

1992 г.

Вечером чайным, в фарфоре березовом
Легкая дымка морозных небес.
Сладкое солнышко пущено в лес
И рассыпается инеем розовым.

Хрупкое счастье, как сон безмятежный,
С детскими сказками, с грустью льняной...
А за спиной – заостренный, железный
Шорох полозьев с горы ледяной.

Январь 1996 г.

 Ты вошла в обмен веществ
Привкусом ахейской меди.
Чтоб среди других существ
Я тобой в разлуке бредил.

Тополиное руно.
Небосвода парус серый.
Сердцу поровну дано
Одиночества и веры.

Тишина и тьма над бездной.
И алтарь земли пустой...
Но душа живет надеждой.
И любовь — как Дух Святой.

1999 г.

 Уже листва в аллеях сожжена,
И запах снега кружится в потемках.
И поцелуй – обветренный и ломкий –
Глотком из чаши холода и сна.

Побудь со мной, пока течет река.
Побудь еще в моих губах горячих.
Пока плывут по небу облака
И за собой звезду ночную прячут.

Она поет о тайне золотой,
О вечности, о родине далекой...
И вслушиваясь в голос одинокий,
Душа сама становится звездой.

1992 г.

Небо сырой парусиной провисло.
Август до желтого доньшка вышит.
Тополь вечерний, как численник числа,
Листья на землю холодную сыпет.

Где-то в груди из ночей и черёмух
Свито гнездо улетевшей любовью.
Память черствеет на острых изломах,
Колется в сердце соломенной кровью.

Я не открою стучащему в двери,
Пусть даже трижды мне с улицы крикнут.
Раньше бы я ни за что не поверил
В то, что и к этому можно привыкнуть.

Мне ничего больше в жизни не хочется.
Только смотреть сквозь ресничную прорезь
На облака...
Только длить одиночество...
Слушать, как катится медленный поезд...

2002 г.

Бжаное время крутит жернова.
Но в глубине метели мукомольной
Еще надежда кроткая жива
И сердце внемлет вести колокольной.

Еще зовут. И тех, в ком вера есть,
И тех, кому и Божий воздух – с болью...
Редает тьма, и как Благая Весть
Нисходит небо светом и любовью.

И сон земли уснувшей – не глубок.
Она уже травой забормотала...
Уже летящий, сизый голубок
Качнул крылом над нею воздух талый.

1998 г.

Снова март разжимает морозов тиски.

Теплый воздух струится по медному горну.

И капель барабанная бьется в виски,

Подступая оттаявшей памятью к горлу.

Это флора и фауна движутся вновь.

Это солнце снега выкипает усердно.

Это снова краснеет и плавится кровь

От горячей слезинки божественной Герды.

Как мучительно тает фреоновый сон,

С каждой каплей воды возвращая сердечность...

Я от этого холода буду спасен,

Но уже никогда не забуду про вечность.

1998 г.

Лесна пернатая уснула
В силках холстинки расписной.
И ты с отчаяньем вздохнула.
А воздух дикий и лесной.

Айда, художница, со мной!
Я тоже небом поцелован.
Я тоже пробую творить.
Мы опытные птицеловы.
Но Бога нам не повторить.

Мы переходим нашу память
По узким жердочкам мечты.
И бродим в творчествах ночных
Не зная, кто же правит нами.

Играя древним ремеслом,
Мы славим жизни быстротечность.
Совсем не думая о том,
Что мы обречены на вечность.

Так пусть зверьё живет в лесах.
И рыба в водах серебрится...
А мы, как пойманную птицу,
Отпустим сердце в небеса...

2003 г.

Сегодня небо — ниже, чем всегда.

И давит на сердечную мембрану,

Как будто океанская вода,

Соленой болью разъедая рану.

И Бог — не праздник. Не кирпичный храм

С весенним блеском куполов червонных.

А тяжесть совершенного греха —

Шуршание его песчинок донных.

И совесть — не газетное перо,

А холодок занозы серебристой.

Как поезд в венах темного метро,

Несущийся с уснувшим машинистом.

2000 г.

 Стихами, с грехом пополам,
Как умел, разговаривал с Богом.
Злая грусть прогорала дотла,
И душа согревалась немного.

Но однажды в ночном кабаке
Я зачем-то читал эти строки,
И, как сердце в холодной руке,
Трепетал микрофон караоке.

А потом за столом воровским,
Между вилок и синих наколок,
Мне казалось, что нету тоски,
И в крови не бывает иголок.

А потом мы с девчонкой одной
Шли вслепую меж черных бараков.
И деревья дышали весной.
А она собиралась заплакать.

Я хотел показаться плохим.
И, обняв ее талию крепко,
Прошептал: “Это просто стихи...”
...И вдали петушок кукарекнул...

2003 г.

Мне казалось, что я научился терпеть.
Я бродяжьем портвейном мог сердце согреть.
Но сегодня я грустью разрушен...
Разреши мне в глаза твои тихо смотреть
И настенные ходики слушать.

Предпоследний виток развернула спираль.
И от звездной полыни качнулся февраль
Над верхушками колеб острожных...
Это робкой надеждой оттаяла даль,
Растворяясь в округе тревожной.

А в округе все та же чертёжная тьма.
И, как прежде, на выбор — тюрьма и сума.
Но уже не спасает привычка...
Посмотри, это снова чернеет зима.
Догорая, как серная спичка.

Это бледное пламя, как медленный яд.
Я таких уже выбросил тридцать подряд.
Я живу, как плененная птица...
Посмотри, это белые крылья горят,
Шедесть, как пустые страницы...

Я себе говорю: "Я от мира бегу".
Но смотрю на него, как цыган на торгу.
Сам себя я у Бога ворую...
Почему я боюсь, почему не могу
Разлюбить эту землю сырую...
2000 г.

И пил вино. Из горлышка. Один.

Соединясь с пустым, осенним садом.

Земная грусть цвела в моей груди.

И мне казалось, Бог был где-то рядом.

Тянулась ночь и с нею облака

Брели с полей, как грузные коровы.

Я слышал снежный запах молока

И за рекою лай собак дворовых.

И как бы глядя в тусклое стекло,

Я видел свет грядущего зимовья.

Но было мне спокойно и тепло,

И были влажными глаза коровьи.

Я вспомнил детство. На колодце мох.

И лопухи, спасавшие от зноя.

И я еще боялся слова "Бог",

А Он любовью говорил со мною.

И было что-то это же в вине.

И мне казалось, Он, как прежде, рядом...

Но сад был пуст. И над пустынным садом

Какой-то Ангел плакал обо мне...

2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДНАЯ ПОЛЫНЬ

“Когда нахлынет и отпустит...”	3
“Говорила тихо бабушка...”	4
“Светила полная луна...”	5
“Я слышу снег, как обреченный...”	6
“Сердце шит...”	7
“В палату посланный с утра...”	8
“В стороне кирзовой, безымянной...”	8
“Опасная бритва ночного забора...”	9
“В утробе тесного трамвая...”	10
“Под первым снегом стонут листья...”	11

ЛЕГКОВЕРНЫЙ МАРТ

“Для гимназистки алгебры урок...”	12
“Луна поспела полевая...”	13
“Соседский мальчик что-то не в себе...”	14
“Ты мне нравишься. Что теперь делать...”	15
“В этом городе, сделанном из табака...”	16
“В дешевом ранце рыцарский роман...”	17
“В качельных волнах, сердцем обмирая...”	18
“Ты будила цветок аленый...”	19
“Расставание с музыкой терпит вода...”	20

СЛОБОДКА

“В этот вечер некуда спешить...”	21
“Когда водицей без сиропа...”	22
“Тополь последние листья отпустит...”	23
“Ни доброго слова, ни хлеба горбушки...”	24
“Первый лист от клена отлетел...”	25

СВЕРЛА СВЕРЧКА

“От тетивы речного ветерка...”	26
“Арматурной решёткой крестится...”	27
“Вы маляр-штукатур...”	28
“Этот лес – одинокого сердца приют...”	29
“Ты смотришь на осенний лес...”	30

ГЕРБАРИЙ

“Ты разбирала собранный гербарий...”	31
“На мой вопрос она мне не ответит...”	32
“Сегодня мы с вечностью накоротке...”	33
“Засынай...”	34
“Чаешития лунного жаркую речь...”	35

“Вечером чайным, в фарфоре берёзовом...”	36
“Ты вошла в обмен веществ...”	37
“Уже листья в аллеях сожжена...”	38
“Небо сырой парусиной провисло...”	39

ВОЗДУХ ТАЛЫЙ

“Ржаное время крутит жернова...”	40
“Снова март разжимает морозов тиски...”	41
“Весна пернатая уснула...”	42
“Сегодня небо — ниже, чем всегда...”	43
“Я стихами, с грехом пополам...”	44
“Мне казалось, что я научился терпеть...”	45
“Я шил вино. Из горлышка. Один...”	46

Литературно-художественное издание

СЕРГЕЙ ДЬЯКОВ

ЗВЁЗДНАЯ ПОЛЫНЬ

СТИХИ

(Приложение № 12 к журналу «Огни Кузбасса»)

Редактор **Б.В. Бурмистров**

Вёрстка: **А.Г. Торощин**

Технический редактор **В.И. Труханова**

Корректор **С.А. Мазаева**

Автор проекта **С.Л. Донбай**

Сдано в набор **14.12.2004** Подписано к печати **15.01.2005**

Формат 70х108^{1/32}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Didona».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,1. Тираж 200 экз. Заказ № **995**

Издательство «Кузбассвузиздат».

650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48

E-mail: 582934@rambler.ru

10 руб. 00 **Цена**
коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИБИРСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ